

Марк ЗАХАРОВ:

Я выходец из недр сталинского оптимизма

29 окт. 2001

Лубертис, - 2001. - 29 окт. - с. 8

— Позвольте немного истории. Марк Анатольевич, вернитесь в конец 60-х, Вадковский переулок, Станкин, мы — участники вашего театрального коллектива, премьеры «Чертовой мельницы» Исидора Штока, застольные репетиции «Иркутской истории». Вспомнили? Спасибо вам за то чудесное время. А теперь вернемся в нынешнее. Скажите, общение с сегодняшней молодежью помогает вам в творчестве?

— Я с радостью вспоминаю то время, ведь режиссером я стал во многом благодаря студенческой самодеятельности и этим фанатически настроенным молодым людям. Студенческий театр МГУ был уже потом, а до этого был Станкин (Станкоинструментальный институт им. Сталина — так он тогда назывался). Эти замечательные ребята напитали меня энергией, неистовством, азартом, юношеским максимализмом... Это было так важно! На главных режиссеров и художественных руководителей нигде не учат, как на президентов и министров. Просто появляются люди, которые подставляют плечо, интеллект, создают для человека питательную творческую среду, где с помощью таланта и повышенной работоспособности из этого человека формируется личность театрального сочинителя. Этим людям я страшно благодарен и обязан.

Мои сегодняшние взаимоотношения со студентами Российской академии театрального искусства тоже очень многое для меня значат. Мои студенты очень часто могут придумать что-то такое, что не придумает опытный профессионал. Они ищут свой путь и иногда высказывают очень точные суждения, смелые, неожиданные — и, я не скрою, их энергия мне очень помогает в работе. Достаточно сказать, что последний спектакль в «Ленком» «Шут Балакирев» сделан во многом под воздействием моих учеников, в том числе Сережи Фролова и Олеси Железняк. Я думаю, что это поколение умнее нас. Это такой поток животворной энергии, который мне помогает жить и существовать в театре, придумывать новые театральные проекты, которые способны удерживать внимание современного зрителя.

— А сложно удержать это внимание?

— Сегодня с каждым днем все сложнее. Многие умные режиссеры делают теперь спектакли без антрактов — это для меня очень интересный психологический показатель: если не уверен в своем творчестве, делай спектакль без антракта. И у меня был такой опыт — с пьесой Шатрова «Синие кони на красной траве». Правда, потом я дал слово нашему буфету, что никогда больше таких вещей делать не буду. И пока не делаю.

— Несколько лет назад в «Известиях» была опубликована ваша статья, посвященная Ельцину, тогдашнему президенту России. Помню, читая ее, я все ждал, когда вы наконец признаетесь, что льстивые фразы написаны иронически... не дождался и, дочитав до конца, с ужасом понял, что все это всерьез!

— Это не лезть. С Ельциным у меня действительно связано ощущение, что началась какая-то совершенно новая жизнь. Это мне

разделяли со мной миллионы россиян. Я не политолог и не аналитик, но он сделал очень многое для России, хотя и очень по-русски, методом мучительных проб и ошибок. У меня осталась к Ельцину удивительная симпатия по сию пору. Есть в нем какое-то особое биологическое обаяние, и те немногие разговоры, что у нас с ним были, у меня вызвали очень доброе отношение к нему как к человеку. Знаете, невозможно ведь ко всем людям быть одинаково объективным. Однажды он меня пригласил к себе в кабинет, и мы с ним разговорились о мироздании, о Шелковом пути, о том, что нас ждет, и вообще обо всем на свете под бутылку «Цинандали», которая довольно быстро закончилась. Наверное, это не надо рассказывать в газете, но я расскажу. Вино мне понравилось, и Борис Николаевич попросил принести еще. Помню, как позеленела его помощница, сказав, что эта бутылка последняя. Тогда я понял, что нам предстоит большой исторический путь развития, пока у нас в Кремле не будет «Цинандали» столько, сколько нужно. Ельцин тогда, помню, грозно, но шуточно сказал: мол, найдите немедленно. За бутылкой убежали сразу два человека, очевидно, в ближайший гастроном, но принесли красное — «Каберне». Тогда это было и смешно, и грустно.

— Если бы вам пришлось выбирать между Королем из «Обыкновенного чуда» и реально действующим или действовавшим в наше время президентом, какой выбор вы бы сделали и почему?

— Я никогда не ассоциировал Короля в исполнении Евгения Павловича Леонова с каким-то реальным российским лидером. Хотя... Во время съемок «Обыкновенного чуда» был эпизод, который для того времени казался очень смелым. Когда Евгений Павлович Леонов выходил сочетать законным браком свою дочь с Министром-администратором, он в окошке делал жест, характерный для вождей, стоящих на Мавзолее. Как ни странно, этот кадр не вырезали. Потом какие-то забавные черточки Короля я наблюдал у некоторых наших руководителей. Но в целом Король — собирательный образ, сказочный, комедийный и иронический, вбирающий в себя живые особенности российской культуры, в том числе, конечно, и отдельные повадки наших лидеров.

— Как вы относитесь к искажениям в постановке классических произведений: фактов, характеров, ситуаций и признаков эпохи?

— Основную часть своей режиссерской жизни я прожил под страшным цензурным прессом. Меня очень часто упрекали в злостном извещательстве над русской классикой. Когда Леонов у нас играл чеховского Иванова, мне говорили, что такого в принципе не может быть. Полубить лысого человека молодая женщина не может. Во всяком случае, не должна. Правда, к тому времени я надежно овладел приемами демагогии в общении с цензурой. Я тотчас предложил назвать несколько фамилий известных политических и литературных деятелей, тоже лысых, которых очень любили женщины. Это предложение многих испугало,

ВИКТОР АПОЛОНОВ

на меня замахали руками, но замдиректора по хозяйственной части сказал мне позже: «Марк Анатольевич, давайте все-таки закажем Евгению Павловичу на лысину накладочку, — и добавил замечательную фразу: — по безналичному расчету».

Возвращаясь к вопросу — все решает талант. Был такой замечательный спектакль у Евгения Багратионовича Вахтангова «Принцесса Турандот». Я не исключая, что Карло Гоцци сильно обиделся бы на эту постановку. Что-то там было нарушено по линии его драматургии, если сравнивать, что написано и что получилось. Но получилось так блестятельно, так заразительно, так элегантно, так эстетически выверено, что «Турандот» стала серьезным событием не только в российском, но и в мировом театре. Так что победителей не судят. Хотя если я увижу Евгения Онегина, допустим, в железной клетке с какими-нибудь металлическими масками и голую Ларину, у меня возникнет большое внутреннее негодование, которое я поделюсь с женой на кухне, но не стану об этом публично заявлять в газетах.

— Спектакль «Юнона» и «Авось» не сходит с ленкомовской сцены третий десяток лет.

Не возникала ли у вас мысль снять его с репертуара года на три-четыре, за это время обновить сценарию, Рыбникову написать новые аранжировки, подготовить молодую смену для нынешнего актерского состава? Словом, вдохнуть в постановку новую жизнь...

— Какие-то изменения постоянно происходят, даже в инструментовке. Сейчас мы записываем для телевизионной в связи с 20-летним юбилеем этого спектакля еще одну телевизионную версию. Сменился весь состав, играет уже четвертая Кончита, ведь героиня должна быть очень молодой. Это естественный процесс. Но вот закрыть спектакль на несколько лет... Я боюсь этой паузы, боюсь разочарования — ведь в одну реку дважды войти нельзя. В кино есть римейк, но это должен быть другой режиссер и немного другой сценарий. Восприятие зависит от времени, в котором живешь. Когда в 1966 году журнал «Москва» опубликовал булгаковского «Мастера и Маргариту», эта акция вышла за пределы литературного события, стала событием общественной жизни. И представим на минутку, что роман все эти годы пролежал в столе и появился только сейчас. Его бы, конечно, прочли в узких кругах людей, ин-

тересующихся литературой, Булгаковым, следящих за тенденциями в отечественной литературе, но такого общественного резонанса теперь не случилось бы.

— Как по-вашему, не напоминает ли обсуждение многих спектаклей вариант «Сам я не видел, но...» — ведь жители регионов не имеют возможности увидеть лучшие театральные постановки? Как реализовать так называемую «службу удаленного присутствия»?

— Это большой вопрос. Спектакль вызывает особую радость тогда, когда зрительный зал объединяется с артистами в каком-то общем биополе, когда происходит двусторонний энергетический обмен, возникает особая атмосфера, которую невозможно записать на пленку. Можно воспроизвести визуальные эффекты, и то с некоторым искажением, но главное, что составляет суть театра — единство зрительного зала и сцены, — остается за пределами телевизионной версии. Были два выдающихся спектакля в нашей новейшей театральной истории — «Взрослая дочь молодого человека» Анатолия Васильева и «Без вины виноватые» Петра Фоменко. И были телевизионные записи этих спектаклей, снятые как скучное кино. Я сказал об этом

режиссерам, и они согласились, что это ошибка, досадная акция, которая создает искаженное впечатление от театральных сочинений. Я понимаю, что из Владивостока трудно приехать на спектакль, тем не менее делать телевизионные версии страшно боюсь.

— Не хотелось бы вам поставить спектакль или снять фильм о гении? О том, как гигант рождает идею, которая столетиями будет оставаться неизблемой истинной... Очень интересна, например, жизнь Исаака Ньютона. Ведь 92 процента его наследия — труды, связанные с богословием, с трактатом Библии, соотношением Ветхого и Нового Завета. И только 8 процентов — прославившие его законы гравитации.

— Не всякий сюжет может стать пьесой. Много лет назад мне очень понравился один рассказ Солоухина, я ему позвонил и сказал: сочините для нас пьесу. Он мне ответил: «Не могу, нет анекдота». Под анекдотом он понимал некую драматургическую конструкцию, процесс обязательно конфликтный, который бы развивался на глазах, видеоизменялся, проходил неожиданные зигзаги и выходил бы к финалу, желательному к катарсису. Горький в свое время придумал книжную серию «Жизнь замечательных людей». Что ни герой — то титан. Но у меня ощущение, что там нет ни одного литературного шедевра. Поэтому идея, которую вы предлагаете, все-таки отдает неким утопизмом. В хорошем и добром смысле этого слова.

— В последнее время расцвет жанра театральной мемуаристики, причем во многих книгах (Т. Егорова «Андрей Миронов и я», например) откровения автора переходят разумные границы свободы самовыражения. Как сказал Поппер Флорбер, «нельзя касаться идолов: на руках остается позолота». Как вы относитесь к публичному полосканию заужленного театрального белья?

— Конечно, отрицательно. Можно что-то написать о человеке откровенно, если у тебя есть такая потребность и моральное право. Но не сразу после его смерти, а лучше лет через 50. Недаром к лику святых причисляют людей не сразу после смерти. Нынешний папа римский Иоанн Павел II, думаю, будет причислен к лику святых. Но только тогда, когда уйдут люди, игравшие с ним в футбол, видевшие его в каких-то бытовых обстоятельствах.

— В книге Татьяны Егоровой вы, пожалуй, один из немногих, кому не досталось по первое число.

— Мне трудно оценить это произведение. Если честно — не хочется обсуждать эту книгу.

— Существует ли «формула мира во всем мире»?

— Думаю, что нет. Психика человека, к сожалению, с библейских времен не поменялась. И есть в ней одно подлое качество: мы привыкаем ко всему. Когда только начали с экранов ТВ рассказывать об убийствах людей, о бесконечных выстрелах, мы пережили по этому поводу. Теперь выработывается привычка к событиям, которые прежде вызывали ужас. Может, это свойство нашего мозга, который должен защищаться от переизбытка информации. Ведь информация сегодня — вещь далеко не безопасная. Это новая разновидность экологической угрозы.

— Что в нашей жизни вызывает у вас наибольшую тревогу?

— Я часто бываю в Германии. И вот что меня поражает. По телевизору каждый день передают хронику фашистских преступлений. Показывают Гитлера, концлагеря, детей за колючей проволокой, душегубки, Освенцим, Дахау... И все это сопровождается умными и углубленными комментариями. В ратушах многих городов — обязательные выставки: вот что сделал нацизм за 12 лет с великой Германией! Туда водят детей, чтобы ребята знали и помнили свою историю. Немцы продолжают исторические исследования и ничего не забывают. Но у них нигде нет проспекта Гитлера. Нет памятника Геббельсу. Нет площади имени Геринга. А ведь Геринг был выдающимся летчиком, в молодости чем-то напоминал Чкалова, был отважен, много сделал для авиации. Геринга вообще можно считать отцом современной космонавтики, потому что Фау-2 — без пяти минут искусственный спутник Земли. Однако, изучая этих людей, немцы их не прославляют.

А у нас до сих пор выходят на улицу с портретами Ленина и Сталина как с хоругвями. И появляются предложения восстановить памятник Дзержинскому... Немцы прошли свой процесс очищения и углубили в своем сознании уже собственный, ими организованный Нюрнбергский процесс. Мы этого совершить не решаемся, не можем, не умеем. И это величайшая, с моей точки зрения, нравственная проблема, которая, по-моему, мешает нам становиться воистину цивилизованным демократическим обществом.

— И все же в одном из своих интервью вы сказали, что считаете себя оптимистом, причем оптимистом физиологическим...

— Да, я действительно оптимист. Так легче жить, так продуктивнее работать. В театре вообще от одного человека подлым образом зависит работоспособность всего коллектива — от того, с какой ноги встал, как себя чувствует. То ли в шутку, то ли всерьез считаю себя выходящим из недр сталинского оптимизма.

— А что это такое — сталинский оптимизм?

— Это внедренное в подкорку ощущение, что нет таких крепостей, которых мы бы не одолели... И далее, в таком же духе.

— Идем верной дорогой?

— Именно! Я почувствовал, какой это сильный импульс, когда, извините, коснусь малопривычной темы, мне делали шунтирование, операцию на сердце, лет восемь назад. После наркоза было очень больно, невозможно дышать. Подошедший врач сказал, что сейчас мне боль снимут наркотиком, но главное не это — я должен собрать весь свой оптимизм и думать о лучшем. Тогда будет результат. И вот когда начал действовать наркотик, я в свое подсознание стал вгонять мысль: оптимизма! Оптимизма давай!.. После этого ждал, что слетятся ангелы, услышу «Аве Марио» или «Аппассионату», но услышал только цокот копыт по брусчатке, а в ушах радостно зазвучало: «Веди, Буденный, нас смелее в бой!»

От такой веселой встречи с собственным подсознанием мне тогда действительно полегало.

Захаров Штурк

29.10.01